

The background of the poster is a scene from the movie 'The Hunger Games'. It depicts a group of characters in a dark, gothic-style interior with high ceilings and stone pillars. In the foreground, a man with a white beard and a purple robe (Cato) is pointing his finger. Behind him, a man in a yellow tunic (Haymitch) is also pointing. To the left, a man in a brown tunic (Katniss) is holding a bow. In the background, several figures in dark robes with glowing blue eyes are visible. The title 'Генри Лайон ОЛДИ' is written in white at the top, and 'БЕЗДНА ГОЛОДНЫХ ГЛАЗ' is written in red at the bottom. Below the title, the text 'КЛАССИКА ФИЛОСОФСКОГО БОЕВИКА' is written in red.

Генри Лайон
ОЛДИ

БЕЗДНА
ГОЛОДНЫХ ГЛАЗ

КЛАССИКА ФИЛОСОФСКОГО БОЕВИКА

Бездна Голодных глаз

Генри Олди

**Ваш выход, или Шутов
хоронят за оградой**

«Автор»

2001

Олди Г. Л.

Ваш выход, или Шутов хоронят за оградой / Г. Л. Олди —
«Автор», 2001 — (Бездна Голодных глаз)

ISBN 5-04-009829-4

Как распорядиться наследством, доставшимся от незнакомого человека, которого вы видели лишь однажды? Или это оно распорядится вами? Ты зритель. Пятый ряд, третье место. Справа от прохода. Занавес. А на сцене... А на сцене льется кровь, умирают жертвы. Зритель должен прочувствовать катарсис. До конца...

ISBN 5-04-009829-4

© Олди Г. Л., 2001

© Автор, 2001

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	14
5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Генри Лайон Олди

Ваш выход, или Шуты хоронят за оградой

*Я – зритель.
Сплю в объятьях зала
И вижу сон,
Как жизнь убитому сказала:
«Прости за все».*

Ниру Бобовай

Бери мое добро, и горе – злосчастье в придачу...
С. Маришак

1

Ненавижу «частный сектор». Нашу местную «одноэтажную Америку». Нет, воскресным днем, конечно, чудненько выбраться сюда с друзьями: шашлычок, «Изабелла», «Бери шинель, пошли домой». Расслабленно привалиться к стволу старой груши, ощущая спиной его тепло даже сквозь рубашку...

Слиться с природой, без лишней фамильярности с ее стороны.

Зато ночью или поздним вечером, как сейчас – благодарю покорно! Особенно когда ты не груши под шашлык околачиваешь, а матерясь сквозь зубы и спотыкаясь через два шага на третий, ковыляешь по здешним канавам. И добро бы пьяный! – трезвый я сегодня. Сотка «Борисфена», распитого на скорую рюмку в Доме офицеров, не в счет. Во-первых, по стону, который здесь песней зовется, только на танке бечевой ездить. Во-вторых, фонари отсутствуют, как классово чуждый элемент, а исключения из правила разбиты шаловливыми аборигенами. В-третьих же, поскольку я редкий гость на окраинах, есть немалый шанс плутать по этой самой Гиевке, как Моисей по пустыне, сорок лет, пока выберусь к земле обетованной. Решил, называется, «дорогу срезать», придурок...

Неподалеку, кажется, со стороны «Красного Октября», что-то бахает: раз, другой. Шпана петардами балуется. Или самодельными взрывпакетами. Если в наш просвещенно-рыночный век кому-то еще не лень набивать их смесью магниевых опилок и перманганата калия, более известного в народе под названием «марганцовки». Эх, помню, в золотые школьные годы... Черт! Так и ноги переломать недолго. А они, родимые, меня-волка кормят. Повернуть обратно? Переживет Наташкина бабушка без моей двадцатки до воскресенья, ничего ей не сделается! Она всех нас переживет, эта бабулька. Так, Мальбрук вернулся из похода: кажется, к метро отсюда направо.

На повороте имелась счастливая достопримечательность: косой от гордости фонарный столб, озаренный сплошь засиженной мухами лампой. Или кто там ее засиживал, эту лампу. Вот прямо под столбом из кустов махровой сирени на меня и выпал человек.

– П-по... моги! «Скорую»... раненый я...

Пальцы, покрытые ржавой коростой крови, клещами вцепляются в лацканы куртки. Трещит ткань. Прямо перед глазами – блеск металла. Наручники! Небось, уголовник, из-под конвоя сбежал... тюрьма же рядом, на Полтавском!..

– Напали, гады... деньги! деньги забрали!.. Менты... или бандюги в форме... м-ментовской...

Левое ухо у него надорвано, торчит хрящом. Глаза мутные, лицо, как и руки, вдрызг испачкано кровью. В мертвенном свете фонаря оно кажется неживым, будто в меня вцепился покойник. Или клоун в гриме. Цирковой грим вблизи – то еще зрелище. Не для слабонервных.

– Спаси, б-брат...

Вырваться и удрать?

– Я... извините, я...

В этот миг силы оставляют человека. Видно, все ушли на последний бросок. Хватка разжимается, я едва успеваю подхватить раненого под мышки. Тяжелый, зараза, хоть и росточку воробыного.

– Держись, мужик! Я сейчас... сейчас...

Едва ли не сваливаю его на землю, прислоняю спиной к забору. Вроде сидит, не падает. И дышит... пока. Проклиная свою мягкотелость, колочу в ближайшую калитку:

– Хозяева! Человеку плохо! «Скорую» вызовите! Эй, хозяева!..

А может, у них телефона нет? Должен быть. Хотя бы мобильник. Дом богатый: двух-этажный, с балкончиком... Хозяева дома: вон, окно голубым светится. «Поле чудес» смотрят. «Пользуясь случаем, хочу передать привет сестре Марусе из Пупырыцов, а также ее супругу, почетному стрелочнику Ивану Кузьмичу...»

– Эй, есть кто-нибудь?!

– Вася, гони раклов! Пьянчуги, твари, житья от них нету...

На крыльце загорается свет, в дверном проеме возникает шкаф с головой – надо полагать, Вася. Классический. В руке – сучковатое орудие насилия.

– Чего орешь? Вали отсюда, алкаш!

– Да не алкаш я! Врачей надо... тут мужику плохо...

Про то, что «мужик» ранен и в наручниках, благоразумно умалчиваю.

– Слышь, Ирка? Вызвать? – шкаф разворачивает фасад в глубь дома.

– А потом штраф платить? Гони в шею!

Амбал в дверях как-то неопределенно, по-бабьи, пожимает плечами. Свет на крыльце гаснет. Вот такие у нас люди. Добрые самаритяне. Эра милосердия во плоти.

Меня берет зло. Бросаюсь к забору напротив – и слышу топот ног.

– Не двигаться! Буду стрелять! Руки на забор!

Ослепленный фонариками, краем глаза успеваю заметить троих в форме.

Все. Приплыл. Сушите весла.

Сердце отчаянно екает, ухая куда-то в область желудка. В животе – ледяной спазм, и очень хочется в сортир. Медленно, словно в дурном сне, кладу руки на забор.

– Ноги ширше! Так и стой.

Так и стою. Если это бандиты, им лишний свидетель – кость в горле. А если и вправду милиция – на меня дело и «повесят». Застали на месте преступления, руки в крови, коньяком пахнет... М-мать! У меня еще и ножик на поясе! Швейцарский «Victorinox», подарок любимой тещи... Маленький? – ну и что?! Человека при желании карандашом зарезать можно.

– Не он это, Сеня!

– Точно... Б-блин!

– Повернитесь.

Поворачиваюсь. Все смотрят на меня. Трое ментов, два фонарика и два ствола. Менты смотрят пристально, фонари – ярко, стволы – нервно. Наконец стволы с фонарями неохотно опускаются.

– Старший лейтенант Стратичук, – козыряет бесфонарный и безоружный мент, привычно распахивая удостоверение у меня перед носом. Разглядеть ничего не успеваю: «корочка» сразу возвращается в нагрудный карман. – Вы здесь не видели человека в наручниках? Возможно, раненого.

Врать бессмысленно: все равно они его сами вот-вот заметят. Да и не собираюсь я врать! Менты, похоже, настоящие, никакие не бандиты. Хотя... одно другого не исключает.

– Вон, у забора, – для верности показываю рукой.

Двое срываются с места. Мигом оказываются рядом с раненым.

– Он! Живой...

– Две дырки, Семен! Ну ты стрелок! Ворошиловский!..

– «Скорую» надо... погибается, п-падла...

– Черт, рация в машине осталась, – чертыхается старший лейтенант Стратичук. – Стойте здесь и не пытайтесь бежать. Нам надо будет снять с вас показания.

Тон у старлей почти дружелюбный. Мой живот потихоньку отпускает. Взамен все тело начинает бить мелкой дрожью. Пытаюсь расслабиться, но начинаю позорно стучать зубами. Не получится из меня Брюс Уиллис. Ни хрена из меня не получится.

Тем временем старлей принимается колотить в знакомую калитку.

– Вася, опять раклы! Опять! – визгливо орет из дома стервозная Ирка. – Я шас мусарню вызову!

Мельком сочувствую Васе. И долго, подробно сочувствую себе. Юморок прорезался... Висельный.

– Мусарня уже здесь! Врачей вызывай, гражданочка! – рявкает старлей.

Из окна неожиданно гремит: «А сейчас, пользуясь случаем, хочу передать привет...» Наверное, Ирка с перепугу дистанционку уронила. Кому хотят передать привет, остается загадкой: телевизор булькает и смолкает.

– Та вызвали их, врачей ваших, – басом откликается шкаф-Вася. – Ломился тут один козел...

Выходит, зря я о нем плохо подумал. Добро, оно завсегда проявится.

– Это я козел, – служивые смотрят на меня, как на психа. – Я ломился. Этот... беглый... Он из кустов на меня вывалился. Весь в крови. «Помогите», – стонет. Я и начал стучать...

Старлей кивает с удовлетворением:

– Хорошо. Вы все правильно сделали.

За поворотом слышится шум машин. Проулок озаряют суматошные сполохи мигалок, и из-за угла вырываются сразу два «бобика». Один антикварный, с верхом из брезента. Из второго, поновее, выбирается грузный дядька в штатском. Старлей Стратичук спешит навстречу, вскидывая руку к мятому околышу фуражки.

– Взяли, товарищ подполковник! Взяли! Тут свидетель есть, он «Скорую» вызвал...

– Ясно.

Взгляд у подполковника генеральский. Насквозь. Во взгляде – лагеря без права переписки. Лет сто, не меньше.

– Поедете с нами, гражданин. Хворостов, проверьте факт вызова. Пусть подтвердят.

А у меня в голове, влетев с изрядным опозданием, бьется одно-единственное слово: «Свидетель! Свидетель!» Ф-фух, гора с плеч... Наверное, со стороны я выгляжу полным идиотом: стою, не зная, куда девать испачканные в крови руки, глупо улыбаюсь всем сразу и одновременно – никому. Самому себе.

Хлопают дверцы, становится шумно. Старлей наконец расслабляется, достает пачку сигарет. Подхожу.

– Извините, у вас сигаретку можно?

– Нужно, – улыбается мент, протягивая мне пачку «LM», и сразу становится очень милым парнем. Похоже, сегодня ночью он напьется до полного обаяния. – Курите.

Вообще-то я курю редко, и потому сигарет обычно не ношу, но сейчас организм властно требует успокоительной дозы никотина. Когда прикуриваю от дешевой «одноразки» старлей, руки у меня уже почти не дрожат. Затягиваюсь – так, чтоб легкие и мозги продрало до самого

основания. Из проулка подтягиваются еще двое. Оба в гражданской одежде. С ними тащится размазанная девица, волооча по земле драный жакет. Девице холодно. В свете фонаря видно: на скуле у нее набухает изрядный кровоподтек. Губы пляшут, девица что-то сбивчиво говорит, размазывая по лицу «поплывшую» косметику.

Машинально вслушиваюсь.

– ...совсем псих! Совсем! Ненормальный. С ног сбил – и в яр... А вы где были? Где вы были, дебилы?! Он же меня... Он меня чуть не убил! Нож к горлу: читай, кричит, стихи!

– Какие стихи?

Это подполковник.

– Не знаю! – Девица близка к истерике. – Ну, стихи! Как там... сейчас... «Но ты меня пугаешь. Ты зловец, когда стращаешь... вращаешь...

– ...когда вращаешь бешено глазами, и как я ни чиста перед тобой, мне страшно».

Честное слово, само вырвалось.

Девица умолкает, жалко шлепая губами. Подполковник с живостью оборачивается ко мне:

– Что вы сказали?

– Это Шекспир. «Отелло». Диалог Дездемоны и Отелло, акт пятый, сцена вторая, – лепечу я.

– Откуда вы это знаете? – подполковничья бровь ползет вверх. По склону Фудзи, до самых высот.

– Как – откуда? Из пьесы. Я Шекспира читал... в театре видел...

Такое впечатление, будто я оправдываюсь.

– Ясно.

По лицу подполковника видно, что ничего ему не ясно, кроме смутных подозрений на мой счет. Язык мой – враг мой! Молчал бы в тряпочку... К счастью, объявляется «Скорая». Раненого в наручниках грузят на носилки. Когда двое санитаров проносят его мимо меня, он вдруг приподнимается и отчетливо, дикторским тоном произносит: «Ваш выход». После чего вновь падает на носилки.

– Что он сказал?

– «Ваш выход».

Чушь. Ахинея. Бредит, наверное.

– Вы знакомы?

– Нет. Впервые его вижу.

Подполковник со значением кашляет. Ловит за плечо проходящего мимо врача:

– Куда повезете?

– В неотложку, куда ж еще?

– Стратичук, возьми кого-нибудь. Будешь сопровождать. Потом позвоните в отделение, доложите. А вы, – это мне, – поедете с нами.

2

Где располагается отделение, я так и не понял. «Бобик» долго петлял, подпрыгивая на ухабах, лучи фар деловито ощупывали заборы, кирпичные стены домов – и вдруг мы остановились. Табличку у входа я тоже прочитать не успел. Какое-то отделение. А какое? Кажется, в районе Южного вокзала.

Снимать с меня показания взялся лично подполковник. Предварительно соизволив, наконец, представиться:

– Качка Матвей Андреевич. Старший следователь по особо важным делам, подполковник МВД.

– Смоляков Валерий Яковлевич. Культработник широкого профиля.

– Широкого? Это как?

– Массовик-затейник. Слегка режиссер, чуть-чуть сценарист, частично гример, местами артист, немного...

Я прикусил язык. Когда меня «несет», важно вовремя остановиться. Про «немного пиротехника» следователю знать необязательно. Во избежание лишних вопросов.

– И швец, и жнец... – Матвей Андреевич излучает здоровый скепсис. – Работаете где?

– Большой частью по разовым контрактам. Клубы, ДК, массовые мероприятия. День города, Проводы зимы, КВН...

– Ясно. Значит, так и запишем: «Постоянного места работы не имеет».

Формулировка мне не понравилась.

– Документы с собой?

– Нет. Только визитки. Вот...

Подполковник берет визитку за краешек, словно не желая оставлять отпечатки. Подносит к свету настольной лампы под полукруглым стальным колпаком. В фильмах такие лампы обычно направляют в лицо допрашиваемому. Хорошо, что я свидетель. У меня от яркого света глаза болят зверски. Профессиональное заболевание. Пять минут под лампой, и я признаюсь в сговоре с Шекспиром.

– Дома сейчас есть кто-нибудь?

– Есть. Должны быть. Жена, сын...

– Позвоните домой. Пусть жена приедет, привезет ваши документы.

Телефон у них старый, черный. Металл диска вытерт до блеска; трубка треснула, перевязана синей изолентой. И гудит, как иерихонская труба. В сей антиквариат хочется кричать до хрипоты: «Барышня! Барышня! Дайте Смольный!»

– Алло, Наташа? Это я... Что? Из милиции звоню, из отделения... Ну почему сразу пьяный?! Ничего не случилось. Свидетель я. Свидетель! Паспорт мой привези – им для протокола надо... Потом расскажу. Да, все в порядке. Живой, здоровый, трезвый, ничего не натворил... Одну минуту! Матвей Андреевич, какое это отделение? Номер и адрес скажите, она сейчас приедет.

Когда кладу трубку на рычаг, натываюсь на сочувственный взгляд подполковника.

– Продолжим, Валерий Яковлевич. Полагаю, до приезда вашей супруги успеем закончить. Итак, расскажите, как вы оказались на месте происшествия?

– Из Дома офицеров возвращался. Юбилейный концерт помогал готовить. Засиделся потом с директором...

– А каким образом оказались в районе Нижней Гиевки? Вам что, по пути?

– Там у жены бабушка живет. Денег ей хотел занести. А тут этот тип... из кустов...

– Вот теперь давайте поподробнее.

И я дал подробнее.

Уже в самом конце рассказа (Матвей Андреевич время от времени делал пометки на листе бумаги) нас прервал требовательный зуммер телефона. Подполковник снял трубку, что-то буркнул и затем долго слушал, а я от нечего делать стал осматривать кабинет. Грубо беленный потолок, стены крашены эмалевой «зеленкой». Под потолком – тусклая лампочка без абажура, сплошь в многолетних напластованиях пыли. Пара стульев с жесткими спинками. В углу – облезлый сейф; из скважины, знаменуя утерю бдительности, торчит ключ. Занавеска на окне задернута небрежно, без малейшего желания скрыть грубую прозу решетки.

С особой остротой почувствовалось: времени нет. Сейчас зайдет Берия или Железный Феликс. Или Малюта Скуратов.

– ...отлично! Что врачи говорят? Дня три? В сознании? Хорошо. Будет ему завтра нотариус, так и скажи. Оставайтесь дежурить в палате. Оба. Можете спать по очереди. Чтоб жив был! Если что, всю больницу на уши ставь. Утром вас сменяют. Все.

Подполковник бухнул трубку на рычаг. По его полному, щекастому лицу блуждала улыбка сытого кота. Неожиданно Матвей Андреевич подмигнул мне:

– А не принять ли нам с вами, Валерий Яковлевич, по пятьдесят капель? Ночь у обоих трудная выдалась, а главное – есть за что. Вы, небось, добрая душа, и знать не знаете, кого спасали?

– Не знаю, – мне удалось качнуть головой сразу утвердительно и отрицательно. – Преступник?

– Х-ха! – Матвей Андреевич уже колдовал над сейфом. На удивление, дверца открылась без малейшего скрипа. – Преступник! Мы этого... этого фрукта четвертый год ловим!.. Как в кино, зар-раза... Серийный маньяк-убийца по кличке Скоморох – чистый Голливуд!

С этими словами подполковник торжественно водрузил на стол бутылку дорогой «Каховки». Снова нырнул в сейф. В результате чего объявились две вполне чистые рюмки, лимон и поломанная дольками (когда успел?!) плитка шоколада «Цирк». Мой ножик пришелся как нельзя кстати.

– За ним не меньше десятка трупов, – продолжал рассказывать Матвей Андреевич, ловко откупоривая бутылку. – И ведь что главное: почерк разный! Ну, давайте. – Коньяк забулькал в рюмки, я потянул носом: аромат оказался весьма недурственным. – За успіх нашої безнадійної справи! Ох, попил он из меня кровушки...

Чокнулись. Выпили.

– ...почерк, говорю, плавает. Студента-заочника ножом пырнул, кассиршу из «Познани» задушил. Утопление, тупые тяжелые предметы... Вроде вас: работник широкого профиля. – Сравнение подполковника вызывает у меня легкую оторопь, но я полагаю за лучшее смолчать. – Пока додумались второстепенные детали сопоставить! Оказалось, есть-таки почерк. Только неявный. Потом пара свидетелей нашлась. Вот тогда мы его Скоморохом окрестили. Он с жертвами черт-те-что разыгрывал. Футболисты из ДЮСШ буквально вплотную кросс бежали, в лесопарке вечером, – посмеялись, и дальше рванули. Решили: актеры пьяные дурачатся. Еще по одной? Праздник у нас сегодня. Не каждый день серию берешь. Ну что, родимый город может спать спокойно?!

Дзынь.

– Вам, между прочим, еще повезло, что он в наручниках был и ранен. Когда его, гада, вязали – он всю бригаду раскидал. Едва не ушел. С двумя пулевыми в корпус. Ну, есть Бог на небе, есть! – взяли Скомороха. Вещдоки собраны, свидетели в наличии... Мне сейчас Стратичук по телефону доложил: готов чистосердечное подписать. Взамен, сукин сын, нотариуса требует. Завещание составить решил. Ну ничего, дня три, врачи сказали, протянет – будет ему нотариус. И можно дело закрывать. Кстати, напомним еще раз, откуда те стихи были?

– Какие? А-а... Шекспир, «Отелло».

– Это где негр бабу свою душит?

– Да.

– Ну-ка, ну-ка!

– «Но ты меня пугаешь. Ты зловец, когда вращаешь в бешенстве глазами, и как я ни чиста перед тобой, мне страшно...» Матвей Андреевич, он ее после этого не сразу душит! Там у них диалог. Потом Отелло душит Дездемону и, не додушив, дважды ударяет кинжалом.

– Точно! Нож у него отобрали. Значит, собирался сперва душить, а потом ножом... Ясно. Жаль, Валерий Яковлевич, что мы с вами раньше не познакомились! Привлекли бы в качестве эксперта!

Мы оба смеемся этой несмешной шутке, подполковник наливает по новой: «За все, что хорошо кончается!» – и как раз, когда мы чокаемся, раздается стук в дверь.

На пороге, в сопровождении дежурного, объявляется моя Наталья.

3

Пока мы ехали домой – втроедорога, в полуночном такси, – Наталья сперва дулась: я, дескать, вся изнервничалась, а он с ментами коньяк глушит! Потом вдруг замолчала, прижалась ко мне, и так мы сидели, обнявшись, до самого дома. Мир. Все обошлось, все хорошо. Все она прекрасно понимает. И я ее понимаю: переволновалась за любимого мужа.

Денис уже дрыхнул, а вот мы долго не могли уснуть. Лежали в постели, я Наташке излагал свои похождения, красочно, в лицах, расплескивая остатки испуга, переплавляя их в смех, в пустячную клоунаду, а дальше как-то внезапно...

Нет, не заснули.

Наоборот.

Разбудил меня телефонный звонок. В половине десятого. Звонил щекастый подполковник Качка. Просил зайти, сверить и подписать свидетельские показания. Но уже не в привокзальное отделение, а на Совнаркомовскую, в «Серый Дом». На аудиенцию к следователю я отправился пешком, благо от улицы Фрунзе до Совнаркомовской рукой подать. Символично, однако: Фрунзе вроде бы и числился в наркомах, если не ошибаюсь.

А у нас сейчас наркомами наркоманов зовут.

Дежурный на входе о моем визите был явно предупрежден. Мельком взглянул в журнал, в предъявленный паспорт и сразу выдал пропуск, строго предупредив: «Не забудьте сдать на выходе!» Забудешь тут, как же! Это в Австралии один мой приятель ухитрился заначить разовый пропуск в тамошнее Министерство обороны – просто так, в качестве сувенира на память! Часовому на выходе сказал, что пропуск потерял, и пока бедняга-абориген, жертва цивилизации, соображал, что делать, – преспокойненько себе ушел. А нам Австралия не указ! Потеряешь пропуск – небось, вообще отсюда не выпустят. Будешь скитаться по этажам бесприютным призраком коммунизма, стена и гремя цепями до скончания дней...

– Простите, где здесь 36-я комната?

– Пятая дверь по коридору.

Вот это уже было по-взрослому! Настоящие апартаменты старследа по особо важным. Видно, в отделении ему «временку» выделили, какая нашлась. Огромный стол: буква «Т» красного дерева. На стенах – панели «под дуб» (или взаправду дубовые?!), книжные полки, тяжесть портьер на окнах. Роскошный письменный прибор (черненная бронза...), два телефона «под старину». Новенький компьютер смотрелся в этом окружении подозрительным иностранцем.

– Здравствуйте, Валерий Яковлевич. Присаживайтесь.

Кресла обиты скрипучей кожей. Сядешь – утонешь.

– Вот, ознакомьтесь. – Беру пачку листков, распечатанных на «лазерке». Следом вручается зеленый маркер. – В случае расхождений – правьте.

Оперативно работают! И когда успели?

Читаю. Фразы сухие, казенные, не мои – но по сути вроде все верно. Хорошая память у подполковника Качки! Стоп. А это что?

– Простите, Матвей Андреевич... Тут написано: «Услышав подряд три выстрела»...

– Что-то не так?

– Ну, поначалу я вообще не понял, что это выстрелы. Думал, пацаны с петардами. И, кроме того, выстрелов было два.

– Вы уверены? Не ошибаетесь?

– Ну... – я замялся, пытаюсь вспомнить. – Вроде бы два. Но точно ручаться не стану.

– Я понимаю вас, Валерий Яковлевич. Шли, думали о своем, под ноги смотрели, чтоб не упасть... А выстрелов на самом деле было три. Один предупредительный, в воздух, и два на поражение.

Качка смотрит на меня. Ласково, по-отечески. Он смотрит – а мне уже, в общем, все ясно. Конечно, выстрелов было два. Оба – на поражение. А подполковнику надо, чтобы три. Чтобы первый – предупредительный. Понятное дело, начальство в любом случае закроет глаза – опасный преступник, не карманник задрипанный. Но почему бы не пойти навстречу хорошему человеку?

– Полагаю, вы правы. Пусть остается три выстрела. Я, скорее всего, ошибся.

Качка кивает. Мы прекрасно друг друга поняли. Читаю дальше.

Пару мелких неточностей исправил. Возле каждой правки вывел на полях: «Исправленному верить» – и подпись. Еще одна подпись – в конце, после «С моих слов записано верно».

– Большое спасибо, Валерий Яковлевич. Вы нам очень помогли. Ну, бывайте здоровы. Если понадобится, мы вас еще вызовем, но, думаю, надобности такой не возникнет. До суда Скоморох, судя по диагнозу, не доживет... Всего хорошего.

Тем не менее Матвей Андреевич позвонил мне на следующей неделе.

4

Знакомый кабинет. Зато сам подполковник Качка, друг-собутыльник, сегодня незнакомый. Вроде как заново ко мне присматривается. Сидит, сигарету в пальцах крутит. Но прикуривать не спешит. Молчит. Я тоже молчу. В конце концов, это он меня вызвал. Ему и говорить первому.

– Скажите, гражданин... э-э-э... господин Смоляков. Были ли вы знакомы с гражданином Кожемякой Николаем Игоревичем?

Что-то мы сегодня больно официальные. Темнишь, начальник?

Морщу лоб.

– Да вроде бы нет. Фамилию не помню. Может, в лицо...

– Вот фотография. Узнаете?

Мужчина. Примерно одного со мной возраста. Плоское, рябое лицо, нос картошкой, каштановые волосы небрежно расчесаны на косой пробор.

– Нет, не знаю. Хотя... – еще раз вглядываюсь в фотографию.

– Попробуйте вспомнить.

Честно пытаюсь. В голове прокручивается калейдоскоп лиц. Примеряю их, словно маски, к фотографии. Маски... грим... лицо – клоунский типаж, кровь на щеке, надорванное ухо...

– Скоморох?!

– Он самый. Так вы были знакомы?

– Нет. Тогда, на Гиевке, увидел впервые.

– С одной стороны, у меня нет оснований вам не верить, – голос Матвея Андреевича звучит вкрадчиво. Кошачья лапа, не голос: бархат скрывает острые когти. – Но с другой стороны: как вы в таком случае объясните, что покойный Кожемяка Николай Игоревич, он же Скоморох, упоминает вас в своем завещании?

Потолок валится на голову.

– ...Меня?!

Видимо, все, что я думаю по этому поводу, написано аршинными буквами на моей физиономии. Поэтому подполковник вопросов больше не задает. Во избежание инфаркта. Ловко, словно карточный шулер, пускает по столу два листка ксерокопий.

– Ознакомьтесь.

В моих руках – копия заверенного нотариусом завещания Кожемяки Николая Игоревича, находившегося на момент подписания «в здравом уме и трезвой памяти». В последнем я, честно говоря, сомневался. Следующие строки подтверждают сомнения:

«Резное же изделие из кости домашнего животного, сделанное согласно китайской традиции „Шар-в-Шаре“, завещаю Смолякову Валерию Яковлевичу, проживающему по адресу...»

Адрес правильный. Мой адрес.

– А вот и это... Резное изделие. – Матвей Андреевич извлекает из ящика стола некую безделушку. – Возьмите, не бойтесь.

Действительно: «Шар-в-Шаре». Самый крупный, наружный – чуть больше шарика для пинг-понга. Сколько ж их тут, шаров этих? Четыре? Пять? Искусная резьба, фигурные отверстия в форме листьев, цветов, значков «Инь-Ян» и хитрых загогулин. А внутри, в самой глубине, что-то тускло мерцает, переливается сиреневым... бордовым?... нет, все-таки сиреневым светом. Красивая цацка.

И тут до меня доходит!

– Вы что здесь, совсем охренели?! – Кажется, я говорю свистящим шепотом, но стекла на окнах отзываются слабым дребезжанием. – Какого... черта?! Я спрашиваю: какого черта

вы сказали вашему маньяку, как меня зовут?! И адрес?! А если его дружки теперь заявятся в гости?! У меня сын подросток! Жена! А если...

Не могу остановиться. Кричу, испуган самим собой: «наехать» на подполковника милиции в его собственном кабинете?! А Качка-то стушевался, моргает, безуспешно пытаюсь вставить хоть слово:

- Не давали мы ему вашего адреса!..
- Это произвол! Хуже! Это пособничество преступнику!
- ...не давали! Он ведь и не спрашивал! Мы вообще ничего...
- Откуда же он тогда узнал?!

Шарик выпадает из пальцев. Катится к следователю.

Гаснет блеск в сердцевине.

Будто финальный прожектор в конце спектакля.

Я постепенно остываю, и мне становится стыдно за мальчишескую вспышку. Но, как ни странно, Матвей Андреевич, похоже, совсем не обиделся. Наоборот: расцвел, заулыбался.

– Вот и мы думали: откуда? Может, знакомы вы были? Может, скрываете? Теперь-то ясно... Шарик этот, кстати, у Скомороха при себе был, на момент ареста. А дружков не опасайтесь: нет у него дружков, в одиночку работал, гаденыш. И претензий со стороны родственников тоже не бойтесь: завещание законное, заверено нотариусом. Он же вам не квартиру, как жене, завещал! Шарик – ерунда, дешевка, наши эксперты смотрели. Будет вам на память. Сейчас нотариус введет вас в право наследования...

Действительно, едва я начал извиняться за нервный срыв, как в кабинете возник молодой еще человек. Чистое тебе «северное сияние»: блеск лысины, лак туфель, заколка для галстука и очки в тонкой золотой оправе. Вывалил на стол груду бумаг, показал, где расписаться, содрал двенадцать гривен пятьдесят копеек пошлины (хорошо хоть деньги с собой были!), пожал мне руку и дематериализовался.

Я обалдело глядел на наследство.

– Что ж, поздравляю, – встал из-за стола подполковник, давая понять: аудиенция окончена. – Больше у меня к вам вопросов нет.

Ухожу, ухожу...

Дома я продемонстрировал шарик Наташке. Вместе с копией завещания. Первой ее фразой было: «Ой, какая прелесть!» Затем Наталья осмотрела шарик внимательнее и уже более скептически. Вчиталась в текст завещания. А когда я, заикаясь и робея, пояснил, кто есть наш благодетель Скоморох-Кожемяка, – грянул гром:

– Лерка, рехнулся? На кой черт ты дал маньяку наш адрес?!

Я даже не обиделся. Вспомнил миролюбие подполковника.

Однако оправдываться пришлось больше получаса.

– Может, она антикварная? Дорогая? – поинтересовалась в финале супруга, сменив гнев на милость.

– Ага, как же! Тогда б с меня не двенадцать пятьдесят пошлины слупили!

Довод показался Наталье достаточно убедительным, и она потеряла к шарiku всякий интерес. Явившийся из школы Денис повертел цапку в руках, скривился: «Фигня какая-то» – и ушел в свою комнату.

На серванте шарик смотрелся нелепо, поэтому я забросил его в ближайшую вазочку.

Пусть лежит.

5

– Там Денис из ящика эпистолу вытащил, – Наташка ткнула пальцем в телевизор, на котором белел длинный конверт. – Поминальную. Тебе, беженец ты наш! Интересуются, когда добежишь!..

Это была обычная для нашей семьи шутка.

Десять лет назад, когда мама с дедом собрались мотать в Штаты, я умудрился получить статус беженца. За компанию. Время перемен между уроками жизни: рок-н-ролл и Союз были уже мертвы, притворяясь живчиками, а мы – еще нет, и тупо смотрели на ряды банок с хреном в гастрономах. Телевизор разливался кладбищенским соловьем; деньги мутировали в обои для сортиров. Мама силком вытащила нас с Натальей и шестилетним Дениской в Москву, в посольство США, мы проторчали там полдня, в жаре и толкучке, не имея возможности выйти даже на минуту. Анкеты, бланки, справки... Особенно ярко из общего контингента запомнилась грудастая баба-зоотехница, Арина Тихоновна Шапиро. Уроженка села Большие Варнаки, в цветастой шали и ситцевом сарафане с рюшами, она активно страдала от погромов. Всякий желающий мог слиться в сочувствии к Арине. Увы, жертву насилия слушали вяло, сочувствовать и вовсе отказывались, втайне завидуя несокрушимому здоровью: призрак медосмотра пугал многих. Уж не знаю, почему. Дениска просился в туалет, хотел кушать; позже, когда мы уже покинем гостеприимное здание, он остановится у помойки во дворе и грустно скажет: «Кашей пахнет!..» Представ, наконец, перед мрачным Ответственным Сотрудником Службы Иммиграции и Натурализации, озверевшим от многочасового собеседования с отъезжантами, я посочувствовал ему и себе. Вслух. Это был первый случай, когда моя болтливость оказалась кстати. «Вы собираетесь ехать?» – с интересом спросил Ответственный Сотрудник, внезапно став похожим на человека. Нет, честно ответил я. И поправился: думаю, что нет. Разве что танки на улицах... «Вас притесняли?» – у Ответственного Сотрудника пробился легкий, почти неуловимый акцент. Или просто намек. Нет, честно ответил я. И без рвения поправился: ну, не особенно...

«А зачем вы тогда подали документы?!» – Ответственный Сотрудник наклонился ко мне, внимательно разглядывая мое лицо. Будто диковинную рыбу в аквариуме. Не знаю, честно ответил я. Мама очень просила, а дед старенький, его огорчать вредно. Вот и подал.

Все равно ведь не примете.

Снаружи, выслушав содержание нашей беседы, вся очередь дружно вынесла мне диагноз: дегенерат. И зря. Я обрел вожеленный ими статус, «в соответствии с разд. 207 (с) Закона США об Иммиграции и Национальности (INA), с учетом поправок...», а большинство из этих тертых, битых, заранее подготовленных к любым каверзам ходячих остались с носом. С тех пор по сей день (слава заокеанской бюрократии!) я получаю регулярные напоминания: «Если вы в такой-то срок... будете лишены... ваши данные...»

«Поминальные эпistolы», – смеется Наташка.

Я дегенерат. Я выбрасываю эпistolы в мусорное ведро.

Беги, Лола, беги...

Совершенно не представляю, что буду делать за океаном. Жить на пособие? Кому я там нужен с моей профессией, верней, с полным ее отсутствием?! Иногда, матеря жизнь за суету сует, втайне понимаю: иначе я уже просто не смогу существовать. Вода для пескаря, грязь для червяка – вот что значит для меня ежедневная беготня, грызня, дурацкая самодеятельность и посиделки с такими же бедолагами, как я. Отними – сдохну.

Думаю, патриотизмом здесь пахнет меньше всего.

Эгоизмом пахнет.

– Денис опять прогулял школу, – сказала Наташка. Я спиной чувствовал ее взгляд: напряженный, ожидающий. – Мне звонила завуч.

Пытаясь отмолчаться, прячу конверт в бюро. Делаю вид, будто роюсь в бумагах. Как назло, под руку не лезет ничего путного, кроме престарелого вирша, написанного к рождению сына. «Тили-бом, тили-бом, на ушах стоит роддом...» Бумага потерялась на сгибах, чернила выцвели.

Дела давно минувших дней...

– Ты совершенно не занимаешься ребенком. Вче-ра от него пахло пивом.

Вечерний моцион. Наташке надо скинуть напряжение дня. На самом деле Дениска не так уж плох. Учится нормально. Ходит на карате: я рядом с ним выгляжу тщедушным хлюпиком. Леонид Петрович, Денискин тренер, очень хорошо о нем отзывается. Пивом, значит? В его годы я пил за гаражами приторно-сладкую настойку «Клубничка», закусывая ломтиком «Докторской». А однажды, подгуляв в компании друзей-оболтусов, стал разбрасывать по двору пустые бутылки – в полной уверенности, что за ночь они лягут в борозду, взойдут и заколосятся.

Мне тоже завуч домой звонила.

– Ему через год поступать! А он сам не знает, чего хочет!

– Я тоже не знал...

Вот это зря. С женой, захотевшей выговориться, надо молчать. Как партизан. Как Аладдин в сказке. «И встретит тебя в подземелье женщина, ликом подобная матери твоей, крича „Сын! Сын мой!“ – но остерегись отвечать ей, ибо, ответив хоть слово, пропадешь и навеки останешься там...»

Теперь надолго. Когда придет Дениска, на его долю ничего не останется. Кроме курицы с остывшими макаронами. Все остальное получу я.

– Оно и видно! Посмотри на себя! Ты хочешь сыну такой же судьбы?

Наташка покраснела, глаза горят праведным гневом. Мы очень любим друг друга. Это правда. Мы оба очень любим Дениску. Это тоже правда.

Мы – все трое – слишком часто цепляемся острыми углами. От любви.

И это куда большая правда, чем две предыдущие.

Сажусь на диван. Я знаю, что произойдет в ближайшие двадцать минут. Архитектоника пьесы, игранный тыщу раз. Экспозиция и завязка благополучно состоялись. Теперь: развитие действия, кульминация и развязка. Постановочный план утвержден худсоветом ныне, присно и во веки веков, аминь. Главное – вовремя подавать реплики, терпеливо дожидаясь занавеса. Не пуская драму внутрь. Формально являясь участником, оставаться зрителем.

Китайская дребедень «Шар-в-Шаре». Шар в шарике, и в шарике, и еще в шаре...

Наследство.

Наташка включается сразу:

– С тобой когда-нибудь можно поговорить серьезно?!

ШУТОВ ХОРОНЯТ ЗА ОГРАДОЙ

АКТ I

Явление первое

Столовая в квартире Смоляковых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.